

Д.Я. Майдачевский

*Байкальский государственный университет
экономики и права,
г. Иркутск, Российская Федерация*

ПРОБЛЕМНАЯ ОБЛАСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ОТДЕЛЬНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ: «ИСТОРИЯ» ПРОТИВ «СТАТИСТИКИ»

Аннотация. Проблемная область экономической истории отдельного промышленного предприятия в период ее становления в 1920-е гг. рассматривается в статье как пространство конфликта двух различных исследовательских программ. Восходящая к земско-статистической методологии и использующая монографический метод как один из приемов несплошного статистического исследования программа была вытеснена программой, опиравшейся на историческую статистику как совокупность индивидуализирующих статистических приемов и полагавшей монографию методом создания исторического описания. Программой, задававшей дисциплинарную специфику уже не экономической истории, а принципиально иной предметной области — истории экономики.

Ключевые слова: экономическая историография, экономическая история, история экономики, монографический метод, историческая статистика.

D.Ya. Maidachevsky

*Baikal State University of Economics and Law,
Irkutsk, Russian Federation*

RESEARCH FIELD OF ECONOMIC HISTORY OF A SEPARATE INDUSTRIAL ENTERPRISE: «HISTORY» VS. «STATISTICS»

Abstract. The article considers the research field of «economic history of a separate industrial enterprise» in

the period of its establishment, namely, in the 1920s, as an area of conflict between two different research programs. The program based on zemstvo statistical methodology and using the «monographic» method as one of the discontinuous statistical research techniques was displaced by the program leaning on historical statistics as a set of individualizing statistical techniques and considering a «monograph» (case study) as a method of creation of historical description. Such program assigns disciplinary specific characters not to economic history, but to a fundamentally different subject area – history of economy.

Keywords: economic historiography, economic history, history of economy, «monographic» method, historical statistics.

Исследовательская область количественной экономической истории в России, своим рождением обязанная направленному на обобщение и развитие – в части осуществления «несплошных», «частичных» исследований – земско-статистической методологии «эксперименту» Александра Аркадьевича Кауфмана (1864–1919) [9], после смерти ученого начнет свое неуклонное движение к границам последней, а в равной мере и дисциплинарным границам экономической истории. Движение, как покажет не столь отдаленное будущее, приведшее к формированию новой, хотя и получившей название «экономической истории отдельного промышленного предприятия», но своему дисциплинарному имени – экономическая история – не соответствовавшей, проблемной области¹. Заслуживающая самостоятельного внимания в рамках скорее истории исторической науки², она небезын-

¹ Более подробно о разграничении предметных областей «экономической истории» и «истории экономики» см.: [8, с. 89–123].

² Автор статьи предпринял попытку сделать это в работах: [6; 7].

интересна и экономической историографии¹ наглядно демонстрируемой ею на начальном этапе траектории своего развития утратой связи с экономической наукой, наличие которой и задает когнитивное содержание и социальный статус экономической истории.

История исторической науки, изучающей прошлое с опорой на источники, определяет дисциплинарную к ней принадлежность рассматриваемой исследовательской области указанием на документальные свидетельства — делопроизводственную документацию заводов и фабрик, извлекаемую из архивов последних с целью реконструкции их истории. Экономическая историография делает это, отталкиваясь от «монографического метода», с которым будет ассоциироваться исследовательская область, и указание на который станет нередко фигурировать в ее названии. Монографический метод в представлениях тех лет это — один из приемов несплошного (наряду с выборочным и «частичным») статистического исследования. Прием, имеющий, с одной стороны, «резко выраженную форму выборочного» (А.А. Кауфман), но с другой — принципиально от него отличающийся и занимающий маргинальное положение, если вовсе не покидающий пределов статистики, поскольку направлен на детальное изучение и описание отдельного случая.

Прибегнуть к монографическому описанию составляют характер и задачи конкретного исследования, перефразируя все того же А.А. Кауфмана, не позволяющие игнорировать (как случайные) «идеографические (индивидуализирующие) влияния», ко-

¹ Подробнее об экономической историографии см.: [8, с. 10–46; 10]. Стремление навести мосты между историографией как историей исторической науки и экономической историографией — субдисциплиной истории наук экономических в деле изучения прошлого рассматриваемой проблемной области выражается, как правило, в игнорировании различий между ними и конструировании якобы некогда существовавшей «исторической экономической школы» [11, с. 62–63].

торые приурочены «к определенным единицам пространства или, может быть, моментам времени» [4, с. 4] и тем препятствуют установлению зависимостей «номографического» характера. Исследователь уточняет, что за характером и задачами исследования в качестве коренной причины их определяющей и обуславливающей обращение к подобному статистическому «суррогату», скрываются «существо» статистических признаков, вокруг которых разворачивается исследование, а также его масштаб, под которым подразумевается пространство их (признаков) распределения.

Именно фактор «масштаба» не даст ему самому ограничить рассмотрение монографического исследования только одной его «разновидностью», мельчайшей «пространственной единицей» — монографией в «точном смысле этого слова»; заставит выделить наряду с ней исследование, объектом которого «является хотя и единичный случай или экземпляр, — но случай, обнимающий более или менее значительную совокупность индивидов» [5, с. 432], а в качестве примера указать на получивший широкое распространение в статистике заработной платы прием создания «фабричной монографии». Но так и не позволит до конца преодолеть скептицизм в отношении метода, отведя монографическому описанию скромную роль своеобразного «наполнителя» — воссоздающего всю сложность и разнообразие экономической реальности — пускай сухой и безжизненной, но научной статистической схемы.

И хотя в немалой степени именно благодаря опыту создания уже «исторических фабричных монографий» монографический метод сохранил за собой место в статистической науке¹, сам исследовательский проект

¹ Опыт этот наглядно продемонстрировал превращение монографических описаний в статистические исследования в случае, когда «индивидуальному обследованию подвергаются крупные и сложные социальные явления, которые, с одной стороны, являются индивидуальными представителями той или иной совокупности этих явлений, но с другой — сами образуют статистическую совокупность» [3, с. 73].

разворачивался, начиная с середины 1920-х годов, под знаком совершенно иных статистических методологических установок, своим рождением, не в последнюю очередь, обязанных критике построений А.А. Кауфмана. Исследовательская программа экономической истории отдельного промышленного предприятия, подобно реализованной последним десятилетием ранее в ходе «статистического эксперимента», предусматривала численное определение количественных сторон монографически изучаемого объекта, с тем, однако, принципиальным отличием¹, что измерение признаков служило делу более полного описания индивидуального, а не суммарной характеристики совокупного целого. Обоснованием не только целевого назначения, логического смысла, но и дисциплинарных статуса и принадлежности монографического и в целом индивидуализирующих статистических методов станут построения уже другого статистика — Евгения Евгеньевича Святловского (1890–1942).

Определив кауфмановское видение исторической статистики как простое приложение к обработке исторических материалов приемов общей статистики, он противопоставил ему представление об исторической статистике как самостоятельной науке, преследующей собственные цели и решающей собственные задачи. Отказав последней в претензиях на установление статистических закономерностей и причинных связей — достижение аналитических целей — Е.Е. Святловский счел ее, как совокупности индивидуализирующих статистических приемов, уделом — познание явлений «в их конкретной (исторической) индивидуальности, неповторимости и единичности» [14, с. 49], поставив знак равенства между монографией как приемом статистической и методом исторической науки. Тем самым, фактически, «закрыв» одну из ключевых про-

¹ Подробнее см.: [3, с. 71–72].

грамм производства научного историко-экономического знания — поскольку научное объяснение всегда относится к причинам и условиям явлений и процессов — задающую специфику дисциплинарной области экономической истории и открыв путь формирующей другую — описательную область истории экономики.

Впрочем, «статистика» не так легко сдавала свои позиции «истории», найдя в лице стоявших у истоков новой исследовательской области историков «старой генерации» и, прежде всего, Н.А. Рожкова, стойкого приверженца ее принципов. Что отразилось, например, в его настойчивом и выражающем озабоченность аналитическим качеством описаний обращении к ключевому вопросу научной значимости монографического метода — выбору «типичного» объекта, обеспечивающего репрезентативность получаемого результата. Выбор для монографического изучения Трехгорной (Прохоровской) мануфактуры — выступающей «характерным и показательным» представителем текстильной отрасли центрального промышленного района страны как по числу занятых, так и техническому уровню производства, организационному устройству и составу рабочих — оправдывался, на его взгляд, «ее типичностью для данного времени и для определенного места»¹ [13, с. 81].

¹ В основу статьи, увидевшей свет уже после смерти ученого, лег доклад с одноименным названием, прочитанный в под-секции новой истории Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИИОН) 20 сентября 1926 г. (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-4655. Оп. 1. Д. 166. Л. 61–65). Данью традициям земской статистики стала и коллективная организация работ по подготовке описаний. Н.А. Рожков даже посвятил этому вопросу специальный доклад на заседании Совета Института 26 марта 1926 г. (ГАРФ. Ф. А-4655. Оп. 1. Д. 164. Л. 36–38). На практике работа с материалами архива Прохоровской мануфактуры осуществлялась под его руководством аспирантами М.К. Пшеницыной-Рожковой, В.З. Зельцером и А.И. Гайсинович.

Вслед за этим, уже преимущественно историками «новой генерации», был пересмотрен способ установления связей между фактами истории предпринятия, прежде искавшихся с опорой не только на статистический анализ, но и на понятия и гипотезы экономической науки. Динамика объемов производства, торгового оборота, заработной платы, прибыли, производительности труда, изменений в структуре капитала, смена форм организации производства, управления предприятием — вот далеко не полный перечень программных вопросов историко-экономического изучения отдельного предприятия. Проблемная область последнего относится к предметной области истории экономики, задачей которой выступает описание объекта — предприятия с опорой на делопроизводственную документацию, в том числе с помощью цифр и их соотношений, отражающих статику или динамику количественных сторон функционирования его «экономического организма». Но главное — привлекает экономическое знание преимущественно для целей работы с источниками (проникновения за «бухгалтерские фикции» и обнаружения скрытой за ними прошлой реальности, чтобы добиться «понимающего» ее описания), а также — в качестве структуры — для организации извлеченного из них материала.

Вот и большая часть доклада — с ним связывают обычно рождение проблемной области — сделанного Н.А. Рожковым в обществе историков-марксистов 9 апреля 1926 г. и озаглавленного «К методологии истории промышленных предприятий» [12], содержала скорее источниковедческую информацию, ориентирующую историков в «сухом и трудном» — преимущественно бухгалтерском — материале фабрично-заводских архивов. Экономическая наука обнаруживала себя в заявленном способе организации материала монографии, тесно коррелировавшим —

по мысли научного руководителя проекта — с механизмом организации самого процесса исследования. Способу этому надлежало сочетать хронологический (исторический) принцип с экономическим, с «той конъюнктурой, которая существовала в русской фабричной промышленности» [12, с. 212], используя в качестве связующего и организующего начала логическую схему и понятийный аппарат теории экономического (промышленного, делового) цикла. Марксистской версии которой как неотъемлемой части анализа долговременных тенденций развития капиталистической системы предстояло вооружить исследователя программой проблематизации знания — перечнем вопросов и, соответственно, характеристик объекта, которые должны попасть в центр его внимания.

Даже такое далекое от аналитического, тем более имеющее скорее характер «декларации о намерениях» (и строго ограничившееся историей предприятия «производственно-капиталистической эпохи»¹) использование экономического знания было сочтено участниками обсуждения доклада избыточным. К тому же приобретением, превращавшим программу исторического описания в программу «теоретико-экономическую» (М.В. Нечкина) [12, с. 217] и делавшим акцент на изучении экономической статики, а не исторической динамики. Отнеся вторую часть замечания на счет «формы» привлечения Рожковым экономического знания — отнесения соответствующего хозяйственного года в жизни Прохоровской

¹ Полгода спустя в своем следующем докладе, посвященном первому сорокалетию в истории Прохоровской мануфактуры, Н.А. Рожков поднимет вопрос о допустимости говорить «о подъемах и кризисах в торгово-капиталистическую эпоху», или распространять на последнюю аппарат теории экономического цикла, справедливо полагая вопрос новым и недостаточно проработанным не только в исторической, но и в экономической науке [13, с. 84].

мануфактуры к той или иной фазе делового цикла на основании динамики, демонстрируемой объемами ее производства — но не «содержания», выгодно именно в этом отношении отличавшего марксистскую теорию, сосредоточим внимание на первой его части. Свидетельствующей не только о существовании на проблемном поле экономической истории отдельного промышленного предприятия разных исследовательских программ, но и о конфликте между ними.

Конфликте, которому из-за смерти спровоцировавшего его Н.А. Рожкова¹ суждено было обостриться вновь спустя три года с тем чтобы, едва начавшись, завершиться окончательным поражением одной из исследовательских программ и, как покажет история, сокрушительной для науки «победой» другой. Достаточно робкий по форме и малоубедительный по обоснованию призыв М.М. Раковского² обратиться к выработанному марксистской политической экономией понятийному аппарату и установленным ею зависимостям (строение капитала, норма прибыли, степень эксплуатации и др.) как аналитическому инструментарию историко-экономического исследования, был расценен в качестве призыва, если не к смене дисциплинарной прописки исследовательской

¹ Свою роль в «затухании» конфликта исследовательских программ, думается, сыграло и выступление на стороне Рожкова еще одного, к тому же влиятельного, представителя «старой гвардии» историков — М.Н. Покровского, полагавшего, что формулируемые последним не без подсказки экономической науки исследовательские вопросы находятся в полном соответствии с характером привлекаемых архивных материалов [12, с. 219].

² Заметим, разрабатывавшего архивные материалы завода «Серп и молот» (бывшего завода Гужона), по поручению статистического отдела (!) Московского областного совета профсоюзов.

области¹, то к ничем не оправданной «теоретизации» ее пространства² [2].

Оставляя за скобками содержательную сторону, как призыва, так и ответной критики, обратим внимание лишь на артикулированный М.М. Раковским запрос исследовательской области не просто на микроэкономическую, но аналитическую, инструментальную составляющую экономической науки, с одной стороны, и видение политической экономии не столько наукой, сколько элементом официальной идеологии, его оппонентами — с другой. Последние увидели угрозу в самом факте обращения к экономической на-

¹ В этой связи заслуживает упоминания тот факт, что исследовательская область экономической истории отдельного предприятия усилиями Н.А. Рожкова и его учеников сложилась и разрабатывалась в рамках секции русской истории Института истории РАНИОН, впоследствии переместившись в секцию истории пролетариата института, продолжившего свою работу уже в составе Коммунистической академии. Неизменно подтверждая свою верность историко-экономической проблематике, институт независимо от своей принадлежности так и не обзавелся соответствующей секцией. Еще на заре своей истории, будучи учрежден в 1921 г. при Факультете общественных наук 1-го Московского государственного университета, он должен был включить в свою структуру секцию истории хозяйства, выведенную из состава Института экономики, включив в число сотрудников таких экономистов как В.К. Яцунский, С.А. Первущин, Л.Н. Юровский. Приветствуя грядущее приобретение, Д.Н. Егоров на заседании Совета института даже отмечал, «что факт такой трансплантации свидетельствует о жизненности Института, видимо не замыкающих в узких пределах ранее начертанных схем, а следующих за назревающими научными проблемами» (ГАРФ. Ф. А-4655. Оп. 1. Д. 150. Л. 75, 83). Но и в 1928 г. в ответ на запрос М.В. Довнар-Запольского о перспективах секции руководство Института истории заявляло о нежелательности включения таковой в его структуру и предлагало специалистам «вступить в Институт истории на общих основаниях», т.е. выбрать в качестве места работы одну из уже существующих (Там же. Д. 175. Л. 2, 10), а Коллегия Института экономики строила планы работы и рассматривала персональный состав «группы по изучению истории народного хозяйства» (там же. Д. 287. Л. 15 об).

² Доклад был сделан 2 ноября 1929 г.

уже не ради придания известной научности создаваемым монографическим описаниям, но для выхода за узкие рамки, устанавливаемые монографическим методом. Не ради улучшения качества упоминавшегося исторического «наполнителя» единственно научной марксистской схемы, но для превращения даже ценой частичной утраты в нее не вписывающегося в неотъемлемую составляющую последней.

Историки «новой генерации» вынуждены были, поэтому, предложить свой способ выхода за пределы монографического исследования, или свой способ интеграции теории и факта, выписать рецепт, конечно же, обнаруженный ими в трудах К. Маркса¹, которым будут пользоваться следующие их поколения и далеко за пределами рассматриваемой исследовательской области: «Нужно взять общеэкономический процесс, например процесс промышленной революции или процесс образования финансового капитала в России, и, зная, общие его закономерности, показать, как это “делается” на отдельном предприятии. ...Нужно в конкретных проявлениях видеть общие процессы и постараться показать, что они есть результат общей закономерности, и тем заставить выйти из рамок монографического исследования»² [2, с. 190].

На пространстве же исследовательской области «экономической истории отдельного промышленного предприятия», разорвавшей связь с экономикой как наукой, останется лишь одна исследователь-

¹ И в этом они сомкнутся с последовательными его критиками. Ср.: «...статистические и исторические данные используются в “Капитале” ...для того, чтобы представить наглядную картину капиталистического общества. Маркс никогда не стеснялся признать, что приводимые им данные имеют выборочный характер; они имеют целью скорее проиллюстрировать выдвигаемый тезис, чем его обосновать» [1, с. 251].

² Примечательно, что «формула» данного рецепта принадлежала одному из учеников Н.А. Рожкова — В.З. Зельцеру.

ская программа. Ее реализация в скором времени приведет к закономерной смене дисциплинарного имени («история заводов и фабрик»), поскольку лишь наличие такой связи задает когнитивное содержание и социальный статус экономической истории. Отбросит она и указание на монографический метод, тем самым, оборвав последнюю нить, соединявшую с породившей ее земско-статистической методологией.

Список использованной литературы

1. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе : пер. с англ. / М. Блауг. — 4-е изд. — М. : Дело Лтд, 1994. — 720 с.
2. К вопросу о методологии и методике истории отдельных промышленных предприятий. Отчет о докладах, прочитанных в Комиссии по истории пролетариата при Обществе историков-марксистов // История пролетариата СССР: сб. первый / [редкол.: отв. ред. А.М. Панкратова и др.]. — М. : Изд-во Комакадемии, 1930. — С. 182-200.
3. Кабо Е. О. Монографический метод в статистических исследованиях / Е. О. Кабо // Очерки по истории статистики СССР: сб. пятый / [Редкол.: отв. ред. Т. В. Рябушкин и др.]. — М. : Статистика, 1972. — С. 60-76.
4. Кауфман А. А. Несколько замечаний к вопросу о пределах выборочного исследования / А. А. Кауфман // Статистический вестник. — 1915-1916. — Кн. 3-4. — М., 1916. — С. 1-14.
5. Кауфман А. А. Теория и методы статистики: руководство для учащихся и для лиц, посвящающих себя статистическому труду / А. А. Кауфман. — 3-е изд. — М. : Изд. Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1916. — 601 с.
6. Майдачевский Д. Я. «Экономическая история отдельно-го предприятия»: конфигурация исследовательской области, 1920-е гг. / Д. Я. Майдачевский // Индустриальное наследие: сб. материалов II Междунар. науч. конф., г. Гусь-Хрустальный, 26-27 июня 2006 г. / Историко-социол. ин-т МГУ им. Н.П. Огарева. — Саранск, 2006. — С. 420-429.
7. Майдачевский Д. Я. История бизнеса: первые шаги научной дисциплины в России, 1920-е годы / Д. Я. Майдачевский // ЭКО. — 2005. — № 2. — С. 182-190.

8. Майдачевский Д. Я. Меняющееся пространство экономической историографии: от «расширенной библиографии» к дисциплинарной истории / Д. Я. Майдачевский. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2012. – 152 с.

9. Майдачевский Д. Я. «Статистический эксперимент» А. А. Кауфмана: рождение исследовательской области количественной экономической истории в России / Д. Я. Майдачевский // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2014. – № 5 (97). – С. 5–12.

10. Майдачевский Д. Я. Экономическая историография: прошлое, настоящее и будущее исследовательского направления / Д. Я. Майдачевский // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2008. – № 1 (57). – С. 17–21.

11. Наумова Г. Р. Опыт изучения русской фабрики / Г. Р. Наумова // Историк и время, 20–50-е годы XX века: А. М. Панкратова; [редкол.: отв. ред. Ю. С. Кукушкин и др.]. – М.: Изд-во РУДН, 2000. – С. 62–68.

12. Рожков Н. А. К методологии истории промышленных предприятий / Н. А. Рожков // Историк-марксист. – 1926. – № 2. – С. 210–224.

13. Рожков Н. А. Прохоровская мануфактура за первые 40 лет ее существования / Н. А. Рожков // Историк-марксист. – 1927. – № 6. – С. 79–110.

14. Святловский Е. Е. К вопросу о методологии исторической статистики / Е. Е. Святловский // Вестник статистики. – 1919. – № 2-3. – С. 45–57.

Информация об авторе

Майдачевский Дмитрий Ярославович – кандидат экономических наук, доцент, кафедра истории, экономических и политических учений, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: maid1960@mail.ru.

Author

Maidachevsky Dmitry Yaroslavovich – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economic and Political Science History, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin Street, Irkutsk, 664003, e-mail: maid1960@mail.ru.

Библиографическое описание статьи

Майдачевский Д. Я. Проблемная область экономической истории отдельного промышленного предприятия: «история» против «статистики» / Д. Я. Майдачевский // Историко-экономические исследования. – 2014. – Т. 15, № 2. – С. 335–348.

Reference to article

Maidachevsky D. Ya. Research field of economic history of a separate industrial enterprise: «history» vs. «statistics». *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2014, vol. 15, no. 2, pp. 335–348.